

ЛИСТЫ ОПАВШЕЙ ОСТРОВА

*К 35-летию
литературной
группы
«Зинзивер»*

Любое историческое время рождает свою литературную эпоху, а любая эпоха оставляет свои характерные знаки и феномены, к которым принадлежат и литературные группы. Нет спору, объединения поэтов и писателей существуют всегда, в формальном или не особенно виде, но есть примеры, когда собственно рождение подобного содружества мысли и духа теснейшим образом связано с тем, как менялось в мире чувствование и понимание настоящего, дней текущих.

Трансформация Советского Союза в конце 1980-х годов (еще не распад, случившийся чуть позже, но уже ощутимый переход в новое измерение, состояние) естественным образом повлек и перемены в общественно-литературной жизни.

Стали появляться независимые от партийной цензуры и от государственных органов власти печатные издания. Поэты и художники начинали ощущать свою независимость от официальных организаций и пространств. Как метко выразилась Татьяна Шепелева в воспоминаниях о группе: «Ключевое слово того небольшого отрезочка времени — “восторг”. Восторг от того, что уже **МОЖНО**. Можно писать что хочешь, как хочешь и — о, чудо! — **ПУБЛИКОВАТЬ!**»

Так 25 декабря 1988 года возник «Зинзивер» — литературная группа и творческое содружество воронежской молодежи. Название содружество поэтов получило по аллюзии к «Кузнечнику» Велимира Хлебникова.

Собрания литературной группы с весны 1989 года до зимы 1991 года проходили в помещении Воронежской областной библиотеки

имени И.С. Никитина. Наиболее заметными художественными акциями группы стали участие в «Ночном вернисаже» группы воронежских художников «Дом» в ТЮЗе 9 апреля 1989 года, в Днях поэзии ВГУ. Вспоминаются удивительная постановка пьесы В. Хлебникова «Госпожа Ленин» на сцене Никитинской библиотеки 7 мая 1989-го, выступление на фестивале творческой молодежи в городском Дворце молодежи 16 мая 1990 года, публичные декламации на Днях города. Многие из участников не оставили изящную словесность, продолжив свой путь в литературе уже в одиночку. Так уже 35 лет продолжается путь «зинзиверовцев».

Рамиль Бесермен

* * *

Нашел монету. Подержал в руке,
зажмурился и бросил — отчего-то
я птица невысокого полета,
недальнего, пожалуй, — вдалеке

упало, зазвенело, покатилося,
и остается только размышлять —
как далеко умею я летать.

* * *

Вроде бы утро. Какое оно теперь?
Это потом понимаешь, что будет оно золотое, —
это от солнца, которое все-таки здесь небольшое,
невероятное, желтое, нежное, например.

Это потом. А пока понимаешь то,
что ненормален, живуч, бедолага, и так непонятен,
что обнаружив на свете не этом себя в результате,
тут же увидишь, что все-таки и не на том.

* * *

Ни строчки, проклятой, ни памяти, ни тишины,
ни понятий каких-то насчет своего ремесла —
в этой старой округе порядком уже снесены
и, пожалуй, забыты тоскливые купола.

И, наверное, здесь вспоминаешь себя затем,
чтобы кто-то нездешний, тоскливо тебя помянув,
вдруг чего-то припомнил, расплакался и ногтем
с фотографии мятой прилипшее скovyрнул.

* * *

Летом стреляют гусей исключительно метко, причем ранняя пуля, должно быть, давно уж была в пути, вот и махай, и попробуй куда-нибудь долети — только и ссыплешься в рощу, в виде трофея, гусем буде зажарену — трудно понять судьбу, то, что, вернее, теперь оказалось судьбой — рыжий костер, провисание на пруту грустным вопросом с прожаренной головой.

Дмитрий Чугунов

* * *

Искусство собирания камней —
Бессмысленное, в сущности, искусство,
Но вот, придя в один из тихих дней
На берег, испытаешь чувство
Отличия от всякой суеты,
Ненужное отсеется прибоем,
И так, под бесконечный шум воды,
Тобою будет новый дом построен.
Искусство собирания камней
Придумано для долгого заката,
Когда короче день, а жизнь длинней,
Когда ты хочешь жить, как жил когда-то
Неведомый, веселый, юный бог,
Не знавший ничего из нашей смены,
Сам складывавший камни на песок
В желании какой-то перемены.

* * *

Ты в позднем сентябре не жди чудес.
Сухое солнце кажется усталым,
Как дальний пруд, стоящий ныне без
Привычных голосов. Когда звучала
Здесь речь людей и птиц, то жил и лес,
И пруд дышал. И всл в воде дышало
Прекраснейшей загадкой бытия.
И речь чужая будто бы своя
Была, когда землль стелилась,
Когда взлетала белкой по стволу,
А день вчерашний спал в сыром углу,
И будущее светом проносилось
Среди листвы...

...незанятых мгновений
Сухая ткань отцветшего вчера —
Где с крапичкой стыда, где с цветом лени,
Волнительна и чувственно пестра,
Всем слетрам по серьгам и без сомнений.
Спроси же вдруг: а кто твоя сестра?
Меж листьев паутинки пустоты
Грядущей жрут свои хвосты,
Как Уроборос, загоня стужу
В объятия грядущего тепла,
И ночь твоя когда-нибудь светла
Окажется, но для того ей нужен
Простой вопрос...

...о сути бытия
Не кабинетным мудрецам известен,
Шатер их разума — смешон и тесен,
Когда-нибудь, дыханье затая,
Ты сам поймешь значение птичьих песен,
И это станет истина — твоя.
И каждое мгновение обретет
Лишь одному ему присущий ход,
Ложась в ладонь округлой стороною,
Присущей ходу дедовских часов,
И оставляя без ненужных слов
Распахнутые двери за собою...

* * *

Открывая окно и гадая на завтрашний шторм,
Ты, отшельник на этих холмах, вдруг почувствуешь море.
Совершенно иначе, чем чайка, что ищет свой корм,
И иначе, чем рыба и камень на дне. В разговоре
С неведомым нет своего языка
Ни у рыбы в морской глубине, ни у чайки над буной,¹
Ни у камня, а ты, до последнего вдоха, глотка,
До последнего шага ты ищешь в неведомом руны:
В безмятежности лавра, в сухой виноградной лозе,
В порыжелой земле, сохранившей тепло прошлой ночи,
В гибких спинах дельфинов, мелькнувших на дальней косе,
Что-то плещет волною, и ветром шумит, и рокошет
Для тебя, чьи глаза ненасытны и разум пытлив,
Ты желаешь прочесть и деревья, и волны, и скалы,
И твое вдохновение — как лучшая из молитв,
Отражение чуда великого в горсточке малой.

¹ Б у н а — сооружение в виде стенки, идущей от берега обычно в перпендикулярном к нему направлении, которое препятствует течению воды и защищает берег от размыва. Как правило, применяются несколько бун.

Татьяна Шепелева

ТИГУЛИ

У тигулей есть своя эстетика,
статика и фонетика,
я не чураюсь среды маргинальной —
я иду по улице Электросигнальной,
и это, скажу вам прямо
(привет Куприну),
не яма.

Пеноблоки, профиль, керамзит, дрова,
колеровка, распил и шиномонтаж,
склад номер один,
склад номер два,
крепеж, такелаж,
шлагбаум.

Шаг за шагом,
шаг за шагом,
плитка, окна, жезь,

если повезет, автобус номер
шестьдесят шесть...

Я смеюсь, хохочу,
люди смотрят, недоумевая,
вот такая она —
эстетика тигулей,
если по тигулям,
годами шагая,
вышагать в цивилизацию,
как человечество,
как все человечество,
от камня до электричества,
от керамики
до дисплея,
можно попасть
в Отечество.

Что такое, в сущности, тигули?
Это — особый мир.
Это «Бир Мир»,
копир,
ориентир,
это клавиш,
пунктир.

Тигули — это путь домой,
это вода,
среда,
это, может быть, даже
и мы с тобой —
нищета-тщета.

Я иду по прямой на свет —
мотылек,
цветок,
пустоцвет,

раскаленный,
соленый
субъект —
выхожу на Московский проспект.

На Московском проспекте
фильтрация —
шаурма, кутерьма,
информация,
в выхлопную дуду,
в суету-маету,
в супермаркет-игру
интеграция.

А еще ликвидация —
о, мой бог —
четыре эклера
по цене трех.

* * *

И снова пятница,
и пятница опять,
и пятью пять,
портфели и тетради.
Урок — не срок,
но все же
в этом стаде
нам, кроме жизни, нечего терять.

А время лечит
скрученные судьбы,
талдычит, учит,
жжет,
болит,
ревет,
соловушка воробушком
поет,
шаманы бьют в невидимые бубны,
багровый бересклет кого-то ждет.

Мой первоклассник,
именем Мирон,
садится в переполненный вагон.
Он едет,
едет,
а потом бежит,
он линиями красными прошит.

Беги,
беги,
беги, пока живой,
пока не стал
бедой и лебедой.
Тебе
выстраивать,
выращивать,
хранить,

нам — заново учиться говорить.

Мария Дарская

* * *

Феминизм или сила мечты?
В морозилке — добытый женщиной «мамонт».
Ты в своей семье давно и папа, и мама.
Совмещаешь роли, ломая стереотипы.
Вехи жизни проносятся мимо со скоростью клипа.
Вот девчонка вчерашняя с верой в отважного Грея,
А сегодня леди, что отрицает власть Гименея.
Ты карьеру строишь, идешь сквозь тернии к звездам,
Параллельно детям даешь то пряник, то розги...
Ты почти что Шива в своем многоруком софт скилле...
Комплиментов звучание уши твои позабыли.
И опоры на плечи мужские давно не ищешь.
Сколько было ошибок — сотни, а может, тыщи?
Иногда в мелодрамном сюжете увидишь сказку,
Снова крылья расправить захочешь, поверив в заботу и ласку.
А потом очнешься: «Ну мать, ты даешь! Не в твои же годы?»
И скептический разум начнет монолог о законах природы.
Но живет в душе все та же девчонка-романтик...
И ее мечты по-прежнему сладко так манят.
Раздувает алые паруса надежды
Сила нашей бескрайней фантазии.
Пусть сто раз ошибались прежде,
Но даем ей еще один шанс — города не строятся сразу!

РЕКА МЕЧТЫ

Все друг друга используют, абсолютно все!
Не питай иллюзий, дружок, игры Берна во всей красе...
Треугольник Карпмана нарисуй и таро раскинь:
Кто ты — жертва, палач, спасатель? Ян или инь?
Поищи внутри внимательно свою тень,
Подружись с ней, она поможет преодолеть всевозможную хрень,
Что мешает выйти на новый уровень, взять высоту,
Подвести под прежними неудачами жирно черту...
Чтоб тебя не съели, не будь слишком сладким, мой друг.
Укрепи свой дух в потерях, в потоке бед и разлук.
И тогда ты сможешь найти своей уникальности код,
А потом стать счастливым... и реку мечты перейдешь ты вброд...

Светлана Владимирова

КОЛОБОК

Шарик из теста — недолго трудились над формой,
Только не знаю, откуда взялось содержанье:
Сразу решил убежать (и подальше) из дома,
Если б в пижаме родился, сбежал бы в пижаме.

С мягкой начинкой по жизни катилось бы лучше:
Чуя врожденный дефект, незнакомцы хитрили —
Я уходил от приманок, погоней, ловушек,
Но временами казалось: снимается триллер.

Я пресекал размышленья в любых направленьях,
Может, поэтому страсти меня избегали —
Только дорога под солнцем плюс капля везенья
И никаких наводнений, пожарищ и гари.

Я исключил, истощил, измельчил, уничтожил...
Ветер догонит меня, а не строки из писем.
О возвращенье не думаю. Разве что позже —
Прежде начавшийся день улыбнется по-лисьи.

* * *

На месте волки, овцы сыты —
Вполне понятна блажь такая:
Желанна дверь, когда закрыта,
А внутрь — и тенью не пускает.

За ней — просторы для фантазий,
Что жмутся в закоулках сердца.
Дух любопытства — он заразен
И выполз явно из-под дверцы —

Сорвать, порог не оббивая,
К обеду, к ужину, на полдник...
Но кто-то внутренний встревает:
Там не добыча.
Там — охотник.

* * *

Ступени, ступени. Виток, как вираж.
То круто взлетают, то лягут полого —
Мы можем подняться на верхний этаж,
Но к звездам они не проложат дорогу.

Давай от безделья считать этажи,
Заметим kota в помещенье чердачном —
На уровне каждом кипит своя жизнь,
Но даже сквозь стекла она непрозрачна.

Веревки под мокрым бельем напряглись,
Подправлена солнцем осанка растений...
Поднимемся вверх или спустимся вниз —
На этом закончатся только ступени.

* * *

Мы так давно знакомы, что слова
Порой мешают понимать друг друга,
К тому ж избыток посторонних звуков
Перегружает мозг, а голова
Должна быть ясной, как над нею небо,
Куда душа закидывает невод —
Улов сегодня явно мелковат,
Но повезло с погодой, несомненно:
На жизнь ложится солнечный отенок,
Жаль, выцветшею кажется трава.
Не кажется — оно на самом деле,
И как слова, что с губ не полетели,
Растут листвы опавшей острова.

ВЫСОКОГОРНОЕ

Ю.М. Глазунову

Наверно, нас непросто запугать,
Раз мы пошли тропкою незнакомой —
Там наверху лишь камни и снега,
И склоны встретить ласково не склонны.

О расстояньях рассуждать легко,
Но можно лишь пройти, а не проехать
Туда, где ждет безмолвье ледников
И от лавин раскатистое эхо.

Пейзаж равнинный красочен вполне,
Но тянемся, как стебельки растений,
Туда, где небо — ближе и синей,
А жизнь — nepocтижимей
и бесценней.

Иеродиакон Лаврентий

* * *

Август уставший — еще не ушедшее лето,
Август уснувший — еще не наставшая осень,
Август поспевающий — колосья янтарного света,
Август, вобравший паренье загадочных сосен!
Август, сокрывший свой возраст, — юн и седовласен,
Август, вместивший сердца, — необъятен и тесен,
Август, созвавший три Спаса, — молитвенно ясен,
Август, узревший, что астры, как звезды — для песен!

* * *

Прислушайся к шепоту таинства листьев,
Как некой молитве из красок и слов...
В минуте и ноте последней повиснет
Соборный молебен осенних ветров
И снова к мелодии сердца стремится,
К объятьям вселенной, воспевающей Творца,
И вторит им вслед журавлей вереница:
«Во имя, во имя, во имя Отца!..»

* * *

Душа как Небо, это — тайна,
В ней глубь и высь растворены;
Все видимое — неслучайно
И неземной величины!
Здесь время не найдет пространство,
Здесь Вечность начинает путь,
Здесь Мера входит в Постоянство,
Здесь Слово наполняет грудь...

* * *

Есть высший смысл бытия:
Свершить свое предназначенье,
Преодолеть земное «Я»
И взять у Неба облаченье...
Не потому ль душа поет,
И сладко плачет в Божьем храме,
Что Бог иной дает полет —
Парить Небесными словами!

* * *

Как многого нам хочется порой,
Душа стремится ввысь, к бескрайней дали...
А счастье, вот оно — перед тобой —
В родных глазах, не знающих печали...
А за окошком все — белым-бело,
Но снег весенний дарит свет и радость!..
Что человеку нужно? Да всего
Любви глоточек и сердечка малость!

МОТЫЛЕК

За взмах крыла над Русскою землею
Готов я поклониться мотыльку:
За то, что он молитвенно, с любовью,
Как к другу обращается к цветку;

За тайну неразгаданного слога,
Которую в себе как свет несет,
За то, что он собою хвалит Бога
И нас к познанию Господа ведет...

Вселенная из крылышек и строчек
Сливается с Вселенной «ты» и «я»...
Я вглядываюсь в «серенький комочек»,
Как в Книгу сотворенья бытия...

Светлана Степичева

* * *

Хитра любовь, чудны ее дела:
То ветром просквозит из-за угла,
То пробежит мурашками по коже...
И ты узнаешь, что она пришла,
Когда вдохнешь толченого стекла,
А выдохнуть его уже не сможешь.

Ну что, попался? Привыкай теперь
Пожизненную эту боль терпеть,
Захлебываясь музыкой и мукой.
Ах, как она умеет сладко петь! —
И не заметишь, как пойдешь на смерть
По лезвию отточенного звука.

Тебя научит этот странный путь
Угадывать вещей и жизней суть,
Сплетать слова в таинственные сети...
Ступай, поэт! Но только не забудь
Песочные часы перевернуть,
Когда придет конец тысячелетья.

КТО НА НОВЕНЬКОГО?

Новенького — в нашу палату?
Значит, с пополнением, братцы!
Что-то ты, приятель, зажатый...
Все ж свои, кого тут стесняться?

Здесь из нас, почти как в музее,
делают подборки по темам.
Как тебя зовут? Одиссеем?
А меня — прикинь — Полифемом.

То-то чую: запах знакомый.
Я ведь нюхом — ровно собака...
Что ж, дружок, вот ты и дома.
Как тебе *такая* Итака?

Да не надо в двери ломиться,
все равно никто не услышит:
битых два часа всей больницей
стаскивают Карлсона с крыши.

Все такие нервные стали...
Да не дрейфь, салага, не трону.
Койка скоро месяц пустая,
как похоронили Харона.

Я от скуки просто балдею,
Минотавр мычит да линяет,
а Гомер седьмую неделю
списки кораблей составляет.

Не с кем обменяться словечком,
расспросить, что пишут в газетах.
У меня-то с той нашей встречи
зрения практически нету.

Врезать бы тебе по макушке...
Ладно уж, забудем о старом.
Жрать принес чего-нибудь? Сушки?
Угости-ка вон Минотавра.

День прошел на автоповторе.
Пожуем и можно ложиться.
...Знаешь, расскажи мне про море,
может, хоть под утро приснится.

ВИШНЕВЫЕ ЛИВНИ

После дождя в бабушкин выйти сад,
Вишен нарвать, ежась под градом капель.
Как же давно... Тысячу лет назад...
Память опять теплой волной накатит.

Мальвы цветут. Басом гудят шмели.
Жаркий июль щурится рыжим глазом.
Тучи давно за горизонт ушли
С детством моим, радостным и чумазым.

В доме чужом люди чужие спят.
Вырублен сад. Некуда возвращаться...
Только июль весь с головы до пят
После дождя пахнет вишневым счастьем.

Поэзоконцерт литературной группы «Зинзивер».
Актовый зал Воронежской областной библиотеки
им. И.С. Никитина. Февраль 1989 года